Иммануил Кант. *Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах*. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. ISBN 978-5-9971-0829-8.

Том 1. *Сочинения по антропологии*. Под редакцией А.Г. Жаворонкова. Перевод с немецкого Д.О. Аронсона, А.Г. Жаворонкова, С.В. Лугового и А.К. Судакова под редакцией Д.О. Аронсона, Н.А. Дмитриевой и А.Г. Жаворонкова, А.С. Зильбера. Предисловие А.Г. Жаворонкова. Комментарий Д.О. Аронсона, А.Г. Жаворонкова, А.С. Зильбера и С.В. Лугового, М.В. Ровбо и А.К. Судакова. – 548 с.

Том 2. *Сочинения по философии политики*. Под редакцией В.А. Чалого. Перевод с немецкого Н.А. Дмитриевой, А.С. Зильбера, М.В. Ровбо и А.Н. Саликова под редакцией Н.А. Дмитриевой, А.С. Зильбера и П.В. Резвых. Предисловие В.А. Чалого. Комментарий А.Н. Саликова и В.А. Чалого. – 433 с.

Том 3. *Религия в границах одного только разума*. Под редакцией А.Н. Круглова. Перевод с немецкого Л.Э. Крыштоп под редакцией А.Н. Круглова. Предисловие и комментарий А.Н. Круглова и Л.Э. Крыштоп. – 431 с.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-86-92 УДК 1(091)

В связи с юбилеем Иммануила Канта произошли многие знаменательные события – от Кантовского конгресса, международной олимпиады и переизданий вплоть до нового перевода некоторых произведений Канта. В издательстве Балтийского федерального университета вышел трехтомник новых или переработанных переводов. Выбор именно антропологических, политических и религиоведческих произведений Канта представляется очень актуальным, так как именно они в последнее время вызывают повышенный интерес: в связи с юбилеем И. Канта,

© Миронова Д.В.Г., 2025

например, на Западе довольно активно обсуждался вопрос о «расизме» Канта, а размышления по поводу его работы «К вечному миру» содержались в выступлениях многих политиков.

Когда мы говорим о новом переводе произведений, напрашивается, конечно, их сравнение как с оригиналом, так и с предыдущими переводами. В этом месте хотелось бы немного поразмышлять о специфике перевода философских текстов. Конечно, перевод понимается как передача смыслов, изложенных на одном языке, в терминах другого языка. В том, что переводы в принципе играют очень важную роль для коммуникации, нет сомнения. Правда, предположение о том, что

> история философии – это история перевода. Именно от его качества зависит популярность и значимость философских идей[1]

кажется немного преувеличенным. Но что значит передача смысла? И смысл чего это – текста или идей? Когда речь идет о естественно-научных исследованиях или деловой переписке, использующих общепринятую терминологию и обращающихся к общепризнанным фактам, особых проблем нет. Но как быть с переводами того рода текстов, в которых сам смысл во многом является делом индивидуального восприятия переводчика? Это касается не только философских произведений или исследований по социальным наукам, но и художественной литературы.

Соответственно, в центре переводческой деятельности стоит вопрос о том, как правильно определить и передать смысл исходного высказывания. Проблема заключается, как уже было сказано, в том, что восприятие смысла высказывания – процесс субъективный, и нет четких критериев, по которым мы могли бы определить, верно ли понят и передан смысл. И, коль уж на то пошло, что такое «смысл»? Ответы на этот вопрос – от логического у Фреге («Смысл и денотат»[2]) до герменевтического

---

[1] Т.А Осипенко, Б.К. Турчевская «Философский текст: трудности перевода», *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания № 18 (2013): 122.*

[2] Готлоб Фреге. «Смысл и денотат», *Семиотика и информатика* 8 (1977).

у Шлейермахера и Гадамера дают, конечно, некоторые ориентиры, но до конца не могут устранить эту проблему. Помимо описанных сложностей имеется целый ряд других – особенно когда речь заходит о философских переводах. В зависимости от философской концепции того или иного мыслителя одни и те же по форме слова могут представлять собой совершенно разные понятия. Кроме того, объем понятий на разных языках может не совпадать. Здесь роль играет и оценка самой концепции и самого мыслителя как принадлежащих к определенной философской традиции. Известный пример перевода «aufheben» из предисловия к «Критике чистого разума» вполне красноречиво иллюстрирует мою мысль. В самом деле, в зависимости от того, какой у нас образ Канта – агностика или мыслителя, который отличается уважительным отношением к знанию, – мы получаем известные два варианта: «ограничить»[3] либо «приподнять, отодвинуть»[4]. С учетом того, что это слово со временем еще и обрело у Гегеля значение «снятия», думаю, понятно, что переводчик должен учитывать массу нюансов, прежде чем сформулировать свою позицию.

Если к сказанному еще добавить, что многие философы «играют» языком (по самым разным соображениям – от благозвучия до каких-то глубинных идей о самой природе языка), сюда добавляется еще одно проблемное поле: как передать всю красоту речи, не жертвуя при этом точностью передачи смысла? Вопрос всегда напряженного отношения между терминологической точностью и красотой формулировок в данном издании решен в пользу точности:

> Это особенно заметно в сравнении с русским переводом кантовского трактата в изданиях Гулыги, в которых желание

---

[3] «Поэтому мне пришлось ограничить (aufheben) знание, чтобы освободить место вере» (Иммануил Кант. *Критика чистого разума*, пер. Н.О. Лосского (М.: Академический проект, 2020), 26).

[4] «Итак, я должен был приподнять, отодвинуть знание, чтобы [свое] место заняла вера» (Иммануил Кант, *Критика чистого разума*, в *Сочинения на немецком и русском языках*, под ред. Н.В. Мотрошиловой, Буркхарда Тушлинга, т. 2, ч. 1, с. 33 (М.: Наука, 2006)).

прояснить мысль Канта и доступно выразить ее на русском языке порой уводит все же далеко от немецкого оригинала[5].

Когда выходит новый перевод уже довольно качественно переведенных предыдущими переводчиками текстов, особенно классических, всегда возникает вопрос: «А нужно ли было браться за новый перевод?» В случае кантовских произведений ответ на данный вопрос, как мне представляется, положительный: во многих местах произошли уточнения, способствующие лучшему пониманию изложенных Кантом мыслей. Все переводы в новом издании очень качественные, но есть более и несколько менее удачные переводы. Кроме того, порой возникают вопросы к строгости применения терминологии, особенно если речь идет не о чисто философских терминах.

Вернемся, однако, к самому изданию. Неоспоримым достоинством данного издания является наличие очень подробных предисловий и комментариев, а также обширного справочного аппарата ко всем трем томам. Они дают не только представление и разъяснения по поводу места собранных в соответствующем томе работ в общей системе философа, но и знакомят с историческим фоном и культурно-духовной ситуацией времени.

В ***первом томе*** публикуются важнейшие антропологические работы: «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного», «Опыт о болезнях головы», «О различных расах людей», «Определение понятия человеческой расы», «О применении телеологических принципов в философии» и «Антропология в прагматическом отношении». Из рукописного наследия впервые на русском языке публикуется перевод «О философской медицине тела». Обширный справочный аппарат и предисловие редактора позволяют глубже понять основные моменты кантовской антропологии, ознакомиться с историей и современным состоянием исследований в этой области. С учетом стремительного развития как научной, так и философской

[5] Иммануил Кант, *Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах*, т. 3, *Религия в границах одного только разума* (Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024), 75.

антропологии подобные разъяснения особо ценны. С учетом того, что до сих пор в социальной философии проблема человека (наряду с обществом и историей) является центральной, возможность обращения к наследию Канта по этим вопросам дает толчок к новым исследованиям или уточнению спорных позиций.

Наследие Канта по философии политики не столь уж велико по объему, как правило, это – небольшие, но очень богатые по содержанию произведения, которые были отобраны для ***второго тома***: «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?», «Рецензия на книгу И.Г. Гердера "Идеи к философии истории человечества"», «Предполагаемое начало человеческой истории», «Что значит ориентироваться в мышлении?», «О поговорке "Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики"», самое часто обсуждаемое произведение «К вечному миру», «О вельможном тоне», «Провозглашение близкого заключения соглашения о вечном мире в философии», «О мнимом праве лгать из человеколюбия» и «Спор факультетов». Можно было бы поспорить относительно названия самого тома: все же многие работы скорее относятся к области философии истории или философии права. И это не мелкая придирка, ведь от того, к какой отрасли философии мы причисляем то или иное произведение, зависит выбор терминологии перевода. Если мы смотрим под углом зрения философии политики, мы будем склонны в некоторых контекстах переводить «Unrecht» скорее как «несправедливость», в то время как при взгляде под углом философии права мы, скорее всего, выбрали бы юридическую терминологию: «правонарушение» или «бесправие». В этом смысле более старый перевод, например, «О мнимом праве…» 1980 г.[6] исходит как раз в большей степени из юридической трактовки и строго придерживается юридических терминов, тогда как в случае рассматриваемого перевода превалирует изучение кантовских идей сквозь призму философии политики.

---

[6] Иммануил Кант, *Трактаты и письма* (М.: Наука, 1980).

Третий том отличается тем, что в его центре стоит одно произведение Канта – «Религия в границах одного только разума». Здесь же содержится перевод черновых набросков к предисловию названной работы, который впервые опубликован на русском языке. По этому поводу хотелось бы высказать свое искреннее восхищение трудом переводчика – если посмотреть этот черновик, сразу бросается в глаза, что Кант сильно пренебрегал знаками препинания, а потому переводчику потребовалось разобраться в смысловом делении предложений почти что самостоятельно. Естественно, первым делом возникает вопрос, почему при переводе в уже почти ставшем привычным названии слово «Grenzen» перестало быть «пределами», а стало «границами». На этот вопрос четкого ответа я не получила ни в самой книге, ни в связанной с ее выходом статье переводчиков[7], и необходимость такой замены для меня не является самоочевидной.

Отдельно хотелось отметить стремление переводчиков к унификации терминологии относительно таких, опять-таки, неоднозначных и по-разному используемых в немецком языке и по-разному переведенных на русский язык понятий, как «das Böse», «das Übel», «das Arge» (т.е. весь комплекс явлений, которые так или иначе и в самых различных оттенках связаны со злом), а также уточнение понятия «das radikal Böse» как «коренное зло». То же самое относится и ко всему спектру «добра» и его отдельных проявлений и видов. Понятие «die Gesinnung» стало также предметом размышлений и уточнений, что, безусловно, является важным шагом к более четкому пониманию кантовских мыслей.

Таким образом, выход трехтомного издания является значимым событием не только для философского сообщества, но и для многих неспециалистов, которые интересуются философией Канта. Можно поздравить всех, кто участвовал в этом огромном проекте и взял на себя смелость и ответственность по новому переводу работ кёнигсбергского философа. Несомненно,

---

[7] А.Н. Круглов, Л.Э. Крыштоп, «О новом переводе трактата И. Канта “Религия в границах одного только разума”», *Философические письма. Русско-европейский диалог* 7, № 2 (2024).

ценным моментом является и то, что две работы из рукописного наследия Канта впервые были переведены на русский язык. Можно констатировать, что новый перевод работ Канта является новой вехой в популяризации его философского наследия.

МГУ имени М.В. Ломоносова **Д.В.Г. Миронова**
dagmar@mail.ru

А.В. Разин, ред. *Иммануил Кант и моральная философия*. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. – 423 с. ISBN 978-5-9971-0795-6.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-92-99 УДК 1(091)

Коллективная монография «Иммануил Кант и моральная философия» представляет собой сборник статей, посвященных критическому рассмотрению этики Канта. Как утверждают составители, она имеет своей целью «отразить многогранность и в какой-то мере неисчерпаемость» (с. 5) этической мысли Канта. Разнообразие тем, которые затрагивают главы монографии, позволяет судить об успешном достижении этой цели. В монографии рассматриваются как классические проблемы этики Канта, например проблема недопустимости лжи (гл. VI) и поиски правдоподобной интерпретации категорического императива (далее – КИ) (гл. XI), так и более неординарные темы, например поиски истоков европейского нигилизма в философии Канта (гл. X). Тем не менее тематическое разнообразие глав не позволяет рассматривать монографию как систематический обзор или введение в моральную философию Канта, несмотря на наличие двух обзорных глав (гл. I и II). В силу этого обстоятельства монография представляет интерес в первую очередь для специалистов и читателей, уже знакомых, как минимум в общих чертах, с философскими идеями Канта и имеющих

© Ананьев Д.А., 2025